СОВЕТСКАЯ ОПЕРА НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

СОВЕТСКАЯ опера на сцене Большого театра СССР — это целая глава в истории советского коллектива, и в развитии жанра. Здесь были яркие вальсы и жесткие разочарования, без чего не обходится жизнь. И как в жизни человеческой, так и в жизни советской оперы были разные этапы в этом едином процессе развития и становления.

Так, например, в 1924—1930 годы Большим театром было поставлено немало опер советских композиторов (всего около дюжины), в которых затрагивались темы исторические («Степан Разин», «Декабристы» В. Золотарева) и современные («Прорыв», «Вышла Октября»), романтические («Трильби») и народно-жанровые («Иван-солдат»). Среди новинок этого периода бисказа и остроумнейшая комедия Сергея Прокофьева «Любовь к трем апельсинам», поставленная в 1927 году под управлением Н. С. Толванова.

Но если оставить в стороне «Любовь к трем апельсинам», сочиненную С. Прокофьевым за границей, то все советские оперы этих лет характеризовались причудливым сочетанием революционной тенденциозности сдержанности с традиционной музыкой, подражавшей общепринятым классическим оперным образцам. Эта особенность и мешала операм тех лет надолго задерживаться в репертуаре. Вель для создания подлинно современной советской оперы необходимо было творческое новаторство, чувство современности не только в выборе сюжетов, но в словесном утверждении передовых идей, но и в самом музыкальном языке произведений. Здесь же возникла тематика шла вперед! выработки музыкального стиля.

Напротив, в «Любовь к трем апельсинам», как и в операх Д. Шостаковича «Нос» и «Леди Макбет Мценского уезда», над которыми коллектив Большого театра работал в начале 30-х годов (спектакль «Нос» не был выпущен), именно яркость и глубочайшая современность музыкального стиля были достигнуты в работе над классическим литературным материалом. Это был иной «квартет» оперного искусства того времени, но его огромный вклад в развитие советской оперы был в свое время недооценен современниками.

Однако уже в 30-е годы в музыке русской советской оперы начинают прорастать зерна нового стиля, позволяющие впервые после композиторов-классиков вновь ощутить на оперной сцене живое веяние современности.

Это относится не только к упомянутым операм С. Прокофьева и Д. Шостаковича, но и к совершенно новой линии советского оперного искусства, возникшей именно в эти годы в творчестве композиторской молодежи того времени: И. Держинского, Т. Хренникова, Л. Ходжа-Эйнатова, В. Желобинского и других композиторов, создавших так называемое «песенное» направление.

В их творчестве преобладает тема революции и гражданской войны, а стилистически определяющим элементом музыки этих опер становится революционная массовая песня, которая из оперного театра нередко «шла в народ», целая

Л. ПОЛЯКОВА,
кандидат
искусствоведения

буквально всеми слушателями — дома, на улице, в кругу друзей. Так произошло, в частности, с песней «От края и до края» из оперы И. Держинского «Тихий Дон» — эта песня облетела всю страну и до сих пор еще звучит иногда по радио.

В Большом театре и его Филале во второй половине 30-х годов были поставлены, кроме «Тихого Дона», «Поднятая целина» И. Держинского, «Броненосец «Потемкин» О. Чипко, «Мать» В. Желобинского.

В работе над современным репертуаром окрепли сценические дарования лучших артистов того поколения. Достаточно напомнить о А. Пирогове — Вакуличуке и В. Давыдовой — Грине («Броненосец «Потемкин»), о М. Максакowej — Аксинье, И. Шпиллер — Наталье и В. Евлахове — Григории («Тихий Дон») о В. Кругликовой — Лушке («Поднятая целина»). Именно тогда на сцене нашего академического театра была впервые покорена оперная условность, па нее впервые вышли современные советские люди.

Однако «песенные» оперы в большинстве своем недолго продержались на сцене, особенно на сцене Большого театра. Это вполне объяснимо исторически. Вель именно умение подметить и запечатлеть в музыке характерные черты народного быта, а не глубокое музыкальное обобщение составляет суть этого этапа в развитии советской оперы. Движение к подлинному глубокому постижению психики народа и созданию монументальных драматических положений из его жизни шло через накопление внешних наблюдений над его бытом, через жанрово-бытовые воплощения правдоподобной «музыкальной атмосферы» эпохи. Эту важную историческую задачу в формировании жанра и решала «песенная опера». Она готовила почву для более значительных явлений советского оперного искусства.

Но эти явления, возникли уже после Великой Отечественной войны: на грани 40—50-х гг. С. Прокофьев захватывает «Войну и мир» и сочиняет «Повесть о настоящем человеке», Д. Кабалевский создает «Семью Тараса», Ю. Шаншин завершает «Декабристов», В. Шебалин пишет «Угрожение строителям». Продолжают работать в оперном жанре и другие советские композиторы; их ряды пополняются год от года талантливыми, ищущей молодежью.

Для этого периода в жизни советской оперы характерно развитие и закрепление наиболее сильных сторон советского оперного искусства. Именно в этих операх мелодическая живизна, свежесть, связь с современными бытовыми жанрами, характерная для «песенной» оперы, проявляется увлекательной на зрелость стиля, способность к монументальной обобщенности, адекватности и психологической глубине музыкального содержания.

На протяжении последних пятидесяти лет Большой театр поставил тринадцать советских оперных спектаклей: «Никита Вершинин» Д. Кабалевского, «Угрожение строителям» В. Шебалина, «Мать» Т. Хренникова, «Джамиль» Н. Жиганова, «Война и мир» и «Повесть о настоящем человеке» С. Прокофьева, «Судьба человека» И. Держинского, «Не только любовь» Р. Щедрина, «Октябрь» В. Мурадели, «Неизвестный солдат» К. Молчанова, «Оптимистическая трагедия» А. Холминова, «Снежная королева» М. Раухвергера, «Семен Котко» С. Прокофьева.

Коллектив лучшей оперной сцены страны справедливо взял на себя пропаганду сравнительно немногих, но действительно заслуживающих этого новых опер своих соотечественников. Из приведенного списка далеко не все, разумеется, имели данные для такой почетной пропаганды, но лучшие советские оперы послевоенных лет выдержали испытание временем.

Не случайно десять сезонов с неизменным успехом идет такое классическое произведение советского оперного искусства, как «Война и мир», не случайно годы спешного успеха «Угрожения строителям», «Декабристов», «Повести о настоящем человеке». К этому спешу удач можно отнести и новую постановку «Семена Котко» — ярчайшего, классического образца советской лирико-бытовой оперы 30-х годов, недооцененного в свое время из-за глубокого индивидуального воплощения этой темы С. Прокофьевым. Новый спектакль имеет все данные, чтобы прочно войти в репертуар Большого театра.

Но необходимо, наряду с ним и с другими живущими на сцене советскими операми («Октябрь», «Оптимистическая трагедия», «Неизвестный солдат»), закрепить в постоянно действующем «активном» коллектива и такие замечательные произведения, как «Война и мир» (в последнее время она идет слишком редко), «Декабристы», «Угрожение строителям».

Хотелось бы видеть на сцене лучшего театра страны не только панораму русской оперной классики (это очень хорошо и очень почетно), но и панораму советской оперы, прочно и дельно пропагандируемых образцов советской оперной классики. Творчество С. Прокофьева, например, должно быть постоянно представляемо тремя-четырьмя операми: это шаг долг перед великим советским композитором, перед вершиной советского оперного искусства нашего столетия, которую именно Большому театру с его огромными творческими возможностями, силами и талантами по плечу ставить и пропагандировать.

Хотелось бы надеяться, что почетная задача создания в Большом театре сценической панорамы советской оперы останется не только юбилейным пожеланием, а будет со временем преворена в жизнь и станет достоянием широкого слушателя, который так горячо любит свой столичный театр и с таким вниманием относится к каждой его новой работе.